

МАЙКЛ НАЙМАН:

«ТО, ЧТО Я СЛЫШУ СЕЙЧАС,
МНЕ КАЖЕТСЯ
ЗАИМСТВОВАННЫМ
И ЛИШЕННЫМ
ВООБРАЖЕНИЯ»

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ

Майкл Найман — один из известнейших композиторов-минималистов. Более того, именно сам Найман впервые употребил термин «минимализм» применительно к музыке — в своей критической статье 1968 года. Особенную известность композитору принесло сотрудничество с британским кинорежиссером Питером Гринуэем: Майкл Найман соз-

дал музыку к таким его картинам, как «Контракт рисовальщика», «Отсчет утопленников», «Повар, вор, его жена и ее любовник» и другим. Но наиболее популярной киноработой Наймана стала музыка к фильму Джейн Кемпин «Пианино». Майкл Найман уже несколько раз выступал в России со своей группой. Накануне его концерта, который состоится 24 ноября в Московском международном доме

музыки, со знаменитым композитором поговорил наш корреспондент.

В этом году исполняется 30 лет со времени появления вашей первой пластинки, то есть это тридцатилетие вашей музыкальной карьеры. Обычно пишут, что ей предшествовал долгий период, когда вы принципиально решили отойти от сочинения музыки.

Можете ли вы рассказать о том поворотном моменте, когда вы решили снова начать свою композиторскую деятельность?

Это, конечно, было очень важное событие в моей жизни, оно превратило меня в совершенно другого человека. Дало иной взгляд на мир и другие взаимоотношения с музыкальной культурой, нежели те, которые я имел, будучи музыкальным критиком в период с 1968 по 1978 год. Забавно, что я не принял какого-то решения снова стать композитором. Это случилось вроде как случайно... Да, если быть точным, тридцать лет и одну неделю тому назад, когда Харрисон Бертиуистл из Королевского национального театра попросил меня провести некоторые исторические и музыковедческие изыскания венецианских мелодий XVIII столетия для одной театральной постановки. Я поработал над аранжировками и собрал небольшой ансамбль для исполнения этой музыки. И затем я понял, что у этой группы есть потенциал и что я не хочу, чтобы этот потенциал и вся проделанная мной работа ограничились одной постановкой. Решив, что этот ансамбль должен концертировать, я стал устраивать выступления. Затем до меня постепенно дошло, что если у тебя намечены концерты, то нужна еще и какая-то музыка, чтобы играть ее на этих концертах. Так что я сел и начал писать музыку. И эта группа, которая изначально называлась Campiello Band, переименовалась в Michael Nyman Band, и мы по сей день играем по крайней мере одну из тех пьес, что я написал в 1976—1977 годах, а именно «In Re Don Giovanni». Это характерное для моего музыкального метода произведение.

И вот 30 лет спустя группа по-прежнему существует. Как композитор я теперь лучше, нежели раньше: более сложный и разносторонний, противоречивый, исследующий, нежели я был в 1976-м. Но все, что я пишу сейчас, вышло из того периода середины 1970-х. Все эти 30 лет — интересное и интенсивное время для меня. И я продолжаю искать интересные мелодии.

Как так получилось, что продюсером вашей дебютной пластинки стал Брайан Инно?

Он тогда ушел из Roxy Music и как музыкант находился в сильной творческой форме. Его стремление выйти за рамки рок-музыки привело к идеи объединиться с той другой музыкой, которая интересовала его. Он влился на Obscure — лейбл, на котором вышла моя первая работа, он поддерживал и, скажем так, эксплуатировал музыку Джона Уайта, Джона Адамса, Джона Кейджа, мою и так далее. Инно взял на себя ответственность за презентацию музыки, в которой никто не был заинтересован тогда. Союз с нами давал ему, в свою очередь, статус вне Roxy Music и идеи для различных музы-

кальных экспериментов — «Music For Airports» и тому подобного. Ино получил своего рода отправную точку для нового музыкального мышления. Он был очень полезен нам, и мы также оказались полезными для него.

Брайан Инно решил выйти за рамки рок-музыки. А вы, в свою очередь, не хотели обратиться к этим рок-музыкальным рамкам?

Это, конечно, интересно. Я думаю, что в моей музыке довольно много рок-элементов. Когда я работал над «In Re Don Giovanni», которая основана на 16 тактах из моцартовского «Дон Жуана», это было как раз соединение классической музыки, рока и минимализма. Я думаю, что серьезные композиторы предлагают, что писать поп-песни — это очень легко и что они в любой момент могут сесть и написать нечто подобное. Но на самом деле это довольно трудно. Был период в конце 1970-х, когда я начал работать с менеджером Вангелиса, и он собирался изменить мою музыку в сторону рока, но ничего из этого не вышло. У меня было чувство в начале 1980-х, когда моя музыка стала довольно известной благодаря фильмам Гринуэя, что у нее появился определенный коммерческий успех... Если бы мой альбом продавался тиражом в миллион копий, это было бы уже ближе к реалиям рока, чем к классике. Но когда я наконец записал такой альбом, который разошелся в количестве трех или четырех миллионов копий — музыка к фильму «Пианино», — эта музыка была в действительности самой классической музыкой, какую я когда-либо писал... Вот такой парадокс. Я стал композитором, продающим диски в масштабах рок-музыки, причем именно такие, которые вообще никак не ассоциируются с роком.

А вы интересуетесь современным поп-роком?

Ну это, конечно, непросто. Я дитя 1960—1970-х, и мои пристрастия сформировались тогда. А то, что я вижу и слышу сейчас, мне кажется слишком несамостоятельным, заимствованным и лишенным воображения. Знаете, я по-

КАК КОМПОЗИТОР Я ТЕПЕРЬ ЛУЧШЕ, НЕЖЕЛИ РАНЬШЕ: БОЛЕЕ СЛОЖНЫЙ И РАЗНОСТОРОННИЙ, ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ, ИССЛЕДУЮЩИЙ, НЕЖЕЛИ Я БЫЛ В 1976-М

стоянно читаю рецензии на новые группы и альбомы, и молодые журналисты регулярно пишут: «вот это — самое лучшее», «вы обязательно должны услышать это» и так далее, так что я иду и покупаю эти диски: Radiohead, например. Слушаю их и понимаю, что все эти «прорывы в музыке», которые провозглашают журналисты, — это все выглядят настолько ограниченным и безопасным для меня...

Я не говорю о Radiohead, они как раз лучше, чем большинство. Но я вижу, что мир воображения у сегодняшней поп-музыки настолько уже изучен, очевиден, и я понимаю, что как композитор я могу совершать гораздо большие прыжки от одной пьесы к другой или от одной части композиции к другой, чем большинство групп совершают от одного альбома к другому. Я нахожу, что рок-музыка слишком ограничена своей историей, музыкальными, социальными и экономическими барьерами.

Одновременно с созданием Michael Nyman Band вы начали писать музыку к фильмам и за 30 лет написали ее довольно много. Что привлекает вас в работе с кино?

На самом деле я делаю не так много музыки для кино, как считают люди. Конечно, моя музыкальная карьера во многом определилась благодаря кино. Мне очень повезло, что картины, для которых я сочинял музыку, получились великолепными: и фильмы Гринуэя, и «Пианино», и «Гаттака». Теперь я пишу не чаще, чем для одного фильма в год. Мой интерес в фильмах и интерес фильмов во мне может меняться. Кто знает, может быть, по дороге в Москву я встретчу какого-нибудь фантастически одаренного молодого режиссера, и мы станем сотрудничать, и это будет новым поворотом в моей карьере. В настоящий момент я пишу классическую музыку, пьесы для оркестра, и я вполне счастлив, создавая это. Писать для кино мне тоже нравится, потому что это сотрудничество людей, а ведь каждый человек работает в своем художественном контексте... То, что фильмы становятся популярными, мне тоже интересно. У меня есть преимущество: находиться одновременно в мире классики, вместе с этим выступать с классико-рок-н-рольной Michael Nyman Band и при этом еще ассоциироваться с хорошим кино.

Надо сказать, что в последние два-три года я серьезно занялся фотографией. Я вообще стараюсь установить различные связи с миром изобразительного искусства, и с миром фотографии в частности. Я задумал большую аудиовизуальную инсталляцию и впервые в жизни единолично работаю как над музыкальным, так и над визуальным содержанием.

А что за фильм, для которого вы пишете сейчас?

Это картина «Never Forever», ее снимает в Нью-Йорке молодой корейский режиссер Джина Ким. В фильме будет сцена вечеринки и для нее требуется танго. И мне пришлось сочинять танго, что я вряд ли стал бы делать в других обстоятельствах. Да это и не настоящее танго, это просто очень сильный кусок музыки.